

Вирин зашагал дальше и вскоре увидел черный силуэт паровоза, за которым бесконечной лентой тянулся состав. — Наконец-то, подумал Вирин, а вот когда отправиться черт его знает.

Бросил за плечи мешок, накинуд на другое винтовку и втиснулся в вагон. Но в вагоне было не лучше чем и на вокзале; кто стремился уехать, тот давно шнырял по путям, находил вагон, залезал в него на полсутки и ждал отправления. В вагоне также как и на вокзале прижавшись друг к другу, свернувшись в комок лежали люди. Темно и сыро как в могиле. Тоска серой паутиной пеленала грудь.

Ильюшка залез в середину, поставил между ног винтовку и закурил.

В дыры свищет ветер, кто-то в бреду просит закрыть двери.

В темноте, то там, то здесь вспыхивают цыгарки.

— Товарищ, дай докурить!

— На! Ильюшка дал щепотку махорки и стараясь разглядеть соседа сосал цыгарку. При тусклом вспыхивании он увидел лицо старика.

— Ты откуда товарищ и куда? спросил он.

— С Поволжья за хлебом, так же коротко ответил старик.

— Разжился?

— Нет.... не разжился! Минута тягостного молчания. Слышно как старик сопит и почему-то чмокает губами.

— Почему?

— Обокрали, недовез... И не много помолчав добавил Обокрали вишь! Была пара хаяв, да из мелочи кой-что—утасили. Поди тоже голодные!

Старик умолк. Долго смотрел в пол и словно чего то соображал. Потом поднял голову и произнес безразлично:

— Дома семья помирает, а може того—померла. Давно я из дома то...

— Куда же теперь держишь путь?

— Не знаю! Домой чай не скоро попаду, а может здесь помру на дороге. Давеча под машину лечь хотел. Не мог...

— Милый... Все поели... Коров давно, лошадей, кошек, собак. Ни чего не родило, поле и степь черная, да трава перекасти-поле по ней бегают. Ох, страшно там....

Старик оборвал разговор.

— Сказывают нашинские, что приехали тож за хлебом, нету жизни там, люди людей ловят на аркан. Не уйдешь оттуда. Деревни и села словно погосты. И что только будет—богу одному известно? Прогневался на людей, с'ест людей мор, вот оно и правда выходит.

Старик снова умолк. Утешить его не чем и Илья курит жадно глотая едкий дым доморощенной махры.

* * *

Через три дня Вирин шагал с Харьковского вокзала в полк.